

Гоголевские традиции в творчестве Владимира Высоцкого*

Николай Паньков

Н. В. Гоголь и В. С. Высоцкий, конечно, очень различаются и по характеру своего творчества, и по типу личности, не говоря уже о том, что один из них является авторитетным мастером классической прозы XIX века, а другой во второй половине XX века создал преимущественно песни, которые до сих пор не всеми признаны подлинной поэзией. Однако при ближайшем рассмотрении за этими вполне очевидными различиями можно обнаружить и черты некоторого сходства творческой судьбы и литературного почерка каждого из них. Например, поэзию Высоцкого многие считают не столько художественным, сколько социальным явлением. Сейчас пока трудно судить о том, оправданно ли такое мнение и изменится ли оно к лучшему. Но, между прочим, в современной Гоголю критике тоже высказывались суровые вердикты: «Искусство в „Мертвых душах“ и не почевало. Поэма не имеет к нему никакого отношения. Она явление — вне искусства» (Н. Полевой). Многие песни Высоцкого выдержаны в сказовой манере, окрашены явным колоритом изустности, простонародного балагурства. Проза Гоголя, особенно ранняя, тоже тяготеет к сказу, тоже богата звуковыми отголосками, которые, как сам Гоголь отмечал в заметке «О малороссийской песне», никогда бы не пришли «в голову поэту с пером в руке» (то есть в значительной мере рассчитаны на слуховое восприятие. Это наблюдение принадлежит еще А. Белому). Вообще тесное взаимодействие произведений Гоголя и Высоцкого с народной культурой заслуживает самого пристального внимания и во многих отношениях сближает этих двух авторов, хотя, разумеется, далеко не все объясняет в их творчестве.

В своих выступлениях перед слушателями Высоцкий не раз говорил о том, что ему не очень импонирует отображение жизни, основанное только на фактах, на правдоподобии, на жизненном опыте писателя, а не на его фантазии: «Реализм такого рода был и есть. Но я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя» (см. «Юность», 1986, № 12», с. 83). И действительно, принцип обнаженной условности, подчеркнутой гротескности характерен для многих песен Высоцкого, в которых порой ощутимы переключки с образами и ситуациями Гоголя. Особенно яркий пример в этом смысле представляет собой песня «Две судьбы». Так же, как Гоголь в «Мертвых душах», Высоцкий ориентируется здесь на жанровую традицию видения, прежде всего на «Божественную Комедию» Данте.

---

*Первая публикация: Гоголевские традиции в творчестве Владимира Высоцкого // Творчество Н. В. Гоголя и современность. Тезисы научно-практической конференции. Часть 2-я. Нежин: Нежинский пединститут, 1989. С. 13–14.

Причем, подобно Гоголю, стремится к определенной художественной амбивалентности образов, к сочетанию драматизма и жизнерадостного, смехового начала. М. М. Бахтин в своей работе «Рабле и Гоголь» заметил, что в «Мертвых душах» присутствует «отребье и барахло карнавального «ада», и целый ряд образов, являющихся реализацией бранных метафор». Эта концепция вызвала ряд возражений. Однако внимательный анализ может подтвердить правоту Бахтина: текст поэмы строится на балаганно-смеховой основе, на игре именами, названиями, прозвищами, на божбе, чертыханиях и т. п. Образно-метафорический план «Мертвых душ» довольно отчетливо связан с идеей путешествия героя по «веселой преисподней» (Бахтин). Нечто подобное мы встречаем и в рассматриваемой песне Высоцкого. Образ Нелегкой Судьбы, с которой сталкивается в «гиблом месте» центральный персонаж песни, явно навеян бранным выражением: «Куда тебя нелегкая занесла!?!», к которому и апеллирует сам автор в тексте песни. Ассоциативный ореол этого образа достаточно широк, и одна из его граней имеет демонологическую окраску (ср. в словаре В. И. Даля: «Нелегкий — нелегкая сила, . . . нечистая, вражеская, бесовская»). Вполне соотносимы в «Мертвых душах» и «Двух судьбах» и центральные персонажи, основной смысл изображения которых для Высоцкого и Гоголя, по-видимому, заключается в идее «просветления дурного человека» (В. Ш. Кривонос).